

...А САМ НЕ ПЛОШАЙ

Интерес к молодежи, внимание, уделяемое ее воспитанию партией, государством, всей страной, естественны, закономерны и необходимы. Свидетельством тому — всеобщий интерес, который вызывает вступившая сейчас в действие школьная реформа. Но мне кажется, что воспитание творческой, и в частности артистической, молодежи — а я занимаюсь педагогической деятельностью уже около тридцати лет — имеет ряд специфических моментов, о которых и хотелось бы поговорить.

Думаю, не скажу ничего нового, утверждая, что научить способного молодого человека приемам профессионального мастерства — не самое трудное для педагога дело. Сложнее помочь ему стать настоящим человеком, всесторонне развитым, социально активным. Но всегда ли мы понимаем, что в понятии «воспитательный процесс» второе слово не менее важно, чем первое. Это именно процесс — неоднозначный, неоднородный и в идеале непрерывный. Ибо жизнь формирует человека все время, и мы, педагоги, получаем для дальнейшего воспитания тех, кто уже в значительной степени сформирован семьей, школой, службой в армии... Нередко это формирование складывается удачно, и наша задача — лишь достойно продолжить его. Но бывают, к сожалению, случаи, когда приходится по возможности бережно исправлять ошибки, допущенные на предыдущих этапах. Порой это удается лишь частично.

Мне кажется, едва ли не самое главное — найти верный тон в отношениях с молодыми. Молодость хочет самостоятельности, и это прекрасно. Даже к самым безусловным для нас истинам молодые должны приходить самостоятельно — только тогда они станут их истинами, их идеалами. Лишь активное восприятие мира может воспитать подлинного гражданина, а следовательно, и подлинного художника. И дело воспитателя научить такому восприятию, помочь молодому человеку выработать собственную жизненную позицию. Мы же порой подменяем этот процесс механическим заучиванием чего-то готового, безусловного, не требующего возражений, осмысления, личностного восприятия. Не замечая, что тем самым воспитываем в молодых потребительское отношение к жизни. В принципе, наверное, и каждый может стать личностью. В принципе. На практике же, по-моему, это встречается не так часто. И потому не слишком ли мы торопимся раздвигать аваны? «Молодая личность», «ах, как небрежно обошлись с талантом такого-то». А там еще были только подступы к тому, чтобы стать личностью, только возможность таланта. При условии упорной работы над собой. Причем эта работа, этот, повторяю, процесс воспитания и становления идет индивидуально у каждого молодого актера. Одному от природы отпущена возмож-

ность яркой, но короткой творческой жизни — так бывает редко, но все же бывает, и надо быть личностью, чтобы не сломаться под бременем прошедшей славы. Другой же наделен способностью к долговому и яркому творческому горению, но тут все зависит от того, как он сможет распределить свой жизненный потенциал: физический, моральный и т. д. И, конечно же, все это — вопросы воспитания. Я бы сказал, воспитания у молодых актеров умения анализировать себя, соразмерять свои возможности.

Как все это воспитать? Приходится с сожалением констатировать, что сегодня мы, сохраняя и развивая методику обучения молодого актера, в отношении его воспитания кое-что утратили. И прежде всего — понятия театральной школы. Почему? Ведь совсем, кажется, недавно каждое театральное училище гордилось целой плеядой прославленных педагогов, представителей соответствующей школы: Художественного театра, Вахтанговского, Малого. Может быть, дело в том, что при этом мы недостаточно заботились о подготовке педагогической смены? О том, чтобы вовремя и гармонично вошли в педагогическую семью новые кадры, чтобы успели они перенять у своих великих учителей не только какие-то профессиональные приемы, но, в первую очередь, умение воспитывать. Не актера — человека, ибо, не воспитав человека, нельзя воспитать и актера. И потому сейчас мы порой начинаем упрощать этот процесс, подменять воспитание режиссурой. С нивелировкой понятия «театральная школа» исчезает практически такой важнейший фактор, как воспитание традицией, гордость актера принадлежностью своей к той или иной театральной традиции.

Когда я выпускал свой первый курс, то думал: ну, теперь я уже чему-то научился, еще один-два выпуска — и буду опытным педагогом. С тех пор прошло почти тридцать лет, и не было курса, с которым мне как педагогу не пришлось бы начинать практически с нуля. Потому что каждый раз приходят совершенно другие люди, люди иного поколения.

Однако вернемся к воспитанию. Каждый год Щепкинское училище принимает 25 будущих актеров. Заканчивают курс в среднем 18—20 человек. Отсев происходит по разным причинам — ухудшение здоровья, нарушения дисциплины, порой — отсутствие способностей (что делать — случаются ошибки при приеме)... В последние годы я с удивлением отмечаю случаи, когда у студента способности стали как бы теряться в процессе обучения на втором, третьем курсе. Подобные случаи редки, и потому я не могу пока объяснить их причину, но, оказывается, природа способна преподнести и такие сюрпризы. Бывает, хотя тоже редко, что я отчисляю и способного студен-

тов — за систематическое ничегонеделание. Прежде я в таких случаях старался что-то предпринять, убедить, заставить работать, но в конце концов понял, что, если студент не хочет работать, а лишь кичится своими способностями, как хорошим костюмом, толку все равно не будет.

Говорю я это вот к чему. Еще в первые годы моей педагогической деятельности старые педагоги объяснили мне, что в театре есть пусть негласное, но устоявшееся мнение. Если из двадцати студентов, заканчивающих курс, через десять лет двое-трое станут заметными, по-настоящему хорошими актерами, мы можем считать свое дело сделанным. Я тогда по молодости думал, что такое наше отношение не вполне даже и честно, что просто надо больше работать, больше уделять внимания ученикам. Потом убедился, что и тут «старик» правы: что делать, такова профессия, отбой в ней очень жесток и идет постоянно. И очень многое зависит от самого человека, от того, насколько отчетливо он понимает, во имя чего решил заниматься этим делом. Это, конечно, важный вопрос в любой профессии, но наша особенно жестоко платит за инфантильное отношение к своему делу. Ибо если ты хочешь, чтобы искусство было твоей профессией, то ставшее уже банальностью выражение «искусство требует жертв» приобретает буквальный смысл.

Конечно, желание есть у всех, кто приходит на вступительные экзамены. Но это, я бы сказал, желание «вообще»: вообще я хочу быть талантливым артистом, известным человеком, хочу хорошо прожить жизнь. А потом вдруг оказывается, что для этого надо много и пожертвовать в жизни, ну хотя бы вовремя лечь спать перед премьерой, а не просидеть ночь, приятно беседуя с товарищами. Оказывается, что за все приходится платить, что твои возможности и способности не безграничны.

Поэтому считаю, что самое важное — воспитание характера. Не только в институте: этим должны заниматься и семья, и школа, и комсомольская организация — все. В конце концов, студенческие годы — лучшие в жизни: ты занимаешься интересным делом, о тебе думают, заботятся, тобой занимаются. А потом наступает один из самых сложных, на мой взгляд, этапов в жизни человека — переход из школы на производство. И тут выясняется, что, несмотря на все наши усилия, большинство студентов считают достойными себя лишь особые места в искусстве. То есть ведущий театр, ведущие роли в нем и в кинематографе, всеобщее признание. И только в этом им видится счастье, обретение личности, призвание. А если вместо этого — малоизвестный периферийный театр, небольшие поначалу роли, то это уже воспринимается чуть ли не как крах жизни.

И вот тут-то в полную силу

возникает тот же вопрос: во имя чего ты пришел? Ты же хотел служить людям. Ты видел в театре свое призвание. И если ты попал в небольшой город, где твой театр — единственный, то тем больше твоя ответственность перед людьми, перед зрителями. А ведь в этом и заключается твой гражданский долг. И именно здесь смыкаются понятия профессии и воспитания личности.

Конечно, многое зависит от коллектива, в который попадает молодой актер. Я как заместитель председателя совета по работе с молодежью при ВТО много занимаюсь этим вопросом. Должен сказать, что занятость молодых в подавляющем большинстве театров довольно высока. Но вот внимание им уделяется не всегда, и потому становление молодых актеров в одних коллективах идет более успешно, а в других менее. Не везде понимают, что и в театре у молодежи продолжается воспитательный процесс, хотя условия его меняются. Главное тут — научить молодого актера применять на практике навыки, полученные им в институте. Когда руководство театра упускает этот момент, получается порой, что начинающий актер, не справившись с этим сам и не дождавшись помощи и поддержки, просто отбрасывает все, чему его учили, и обращается к ремеслу, к штампам.

К сожалению, приходится отметить, что режиссеров-педагогов, режиссеров-воспитателей сегодня на театре явно недостаточно. Тут, как и в вопросе с актерской школой, нам приходится расплачиваться за какие-то прошлые недоработки, за излишнее увлечение сценографией, постановочными моментами в ущерб актеру.

Но даже и в этом случае очень многое зависит от самого человека, от его характера, воли, целеустремленности, чувства ответственности перед своей профессией и перед собой. На помощь, конечно, надеяться надо, но, как говорится, и «...сам не плошай». Вспомни, ведь когда ты поступал в институт, ты говорил: «Я полон готов мыть!» И действительно был готов, лишь бы быть в театре. Или это были только красивые слова?

Конечно, проблемы наши перечисленным не исчерпываются. Но, думаю, и так ясно: воспитание молодого актера — это длинная цепь, состоящая из самых разных звеньев. Без помощи семьи, школы, комсомола, а затем руководства и коллектива театра, где новичок будет работать, режиссеров и коллективов съемочных групп, где он будет сниматься, и еще многих-многих других труд педагогов напрасен. В процессе становления молодого актера взаимно ответственны все, но, прежде всего, все-таки сам молодой человек, поскольку он избрал для себя этот прекрасный, но очень трудный путь.

Виктор КОРШУНОВ,
народный артист СССР.